

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по организации научной и проектно-
инновационной деятельности

Южного федерального университета

д.э.н., доцент

И.К. Шевченко

2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования «Южный федеральный университет» о

диссертационной работе Марии Владимировны Дубковой

«Трансформация жанра биографии в творчестве Питера Акройда», представленной на
соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 –
литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература)

Представленная работа Марии Владимировны Дубковой «Трансформация жанра биографии в творчестве Питера Акройда», ее структура и прагматика, заставляет вспомнить об излюбленной метафоре рассматриваемого автора – палимпсесте и так называемом *palimpsestuous reading* (Ф. Лежен) - чтении, предполагающим *одновременное* прочтение нескольких разных текстов. Материалом для диссертации послужили шестнадцать книг автора, демонстрирующих современный феномен biofiction: «Эзра Паунд и его мир» (*Ezra Pound and His World* (1980)), «Последнее завещание Оскара Уайлда» (*The Last Testament of Oscar Wilde* (1983)) «Т.С. Элиот» (*T.S. Eliot* (1984)), «Хоксмур» (*Hawksmoor* (1985)), «Чаттертон» (*Chatterton* (1987)), «Диккенс» (*Dickens* (1990)), «Блейк» (*Blake* (1995)), «Милтон в Америке» (*Milton in America* (1996)), «Повесть о Платоне» (*The Plato Papers* (1999)), «Лондон: биография» (*London: the Biography* (2000)), «Альбион: истоки английского воображения» (*Albion: The Origins of the English Imagination* (2002)), «Шекспир: биография» (*Shakespeare: The Biography*, 2006) «Темза: священная река» (*Thames: The Sacred River* (2007)), «Венеция. Прекрасный город» (*Venice: Pure City* (2009)), «Уилки Коллинз» (*Wilkie Collins* (2012)) и «Чарли Чаплин» (*Charlie Chaplin* (2014)).

При заметном интересе к творчеству Акройда в отечественной науке последних лет (диссертации 2001, 2005, 2006, 2009, 2011, 2014), появление профессионального

исследования, обозревающего эволюцию жанра биографии у писателя на обширном материале, охватывающем как первые биографические исследования, так и популярные биографии, выходящие в настоящее время, видится задачей смелой, масштабной, претендующей на итоговость взгляда. И для этого есть основания: невероятная продуктивность Акройда в жанре биографии на протяжении тридцати лет дает разнообразный материал для выявления эмблематичных сюжетов в жанровой поэтике «палимпсеста» Акройда как базовых для понимания всей художественной концепции писателя.

Введение к работе намечает актуальность исследования, дает обоснование теме, выбору материала для ее раскрытия и обращается к обстоятельному обзору критических источников по творчеству Акройда, позволяющему судить о предпринимаемом в работе объеме и масштабе новых исследовательских задач. Убедительно (особенно по прочтении всего текста М.В. Дубковой) звучат все положения, выносимые на защиту. Представляется особенно уместным достаточно большой раздел, посвященный модернистской биографии, именно он позволяет увидеть «модернистскую» составляющую в творческой концепции Акройда.

Подчеркнем наиболее продуктивную, ибо полностью осуществленную в основном тексте диссертации, исследовательскую установку М.В. Дубковой на сквозное прочтение целого корпуса текстов Акройда. При этом диссертант видит свою задачу не столько в схоластичной классификации различных биографий, сколько в аналитическом осмыслении стратегий и функций основных образов и повторяющихся мотивов. Предложенный подход дает возможность представить каждый отдельный текст Акройда как оригинальный художественный опыт, вместе с тем демонстрирующий генетическое родство с другими биографиями автора. Так, несомненная новизна работы – в обращении к недавнему биографическому творчеству Акройда «Кратким жизнеописаниям Акройда» (2004 – наст. вр.), цементирующим детерминанты его творческой концепции: тип героя-визионера; фигуры героев-двойников (Паунд – Элиот, Коллинз – Диккенс, Шекспир-Марло, Милтон – Гусперо); театральные мотивы; включение в текст многочисленных фактов и свидетельств эпохи, преподнесенных в духе нового историзма и др.

Еще одной из неожиданных и перспективных линий работы М.В. Дубковой представляется объединение собственно биографического и культурно-антропологического содержания при обращении к геобиографиям и биографии воображения: в качестве опорных элементов выступают история (биография) места как

локализации творческих усилий поколений художников-визионеров и веками складывавшихся культурных практик (включая городской фольклор), что сообщает месту типично английский характер.

В меньшей степени интересными и продуманными выглядят теоретические и исторические подводки к осмыслению биографии как жанра, разнообразные беглые экскурсы в геобиографию, жанр травелога и пр. Жанр определяется М.В. Дубковой то с позиций теоретической поэтики (введение в Главу 1), то с точки зрения социологии литературы и читательской рецепции (выводы к Гл.2). Конспективно даны источники творческой концепции Акройда (Гл.3) и вся понятийная сфера с ней связанная (3.4).

Вместе с тем, сама композиция работы с дробной системой разделов, параграфов и подпараграфов становится прекрасным навигатором по биографическому творчеству писателя. Логика работы располагает к поэтапному и многоаспектному раскрытию темы, аккумуляции выводов. Видится удачным исследовательский ход, позволяющий оценить крайние точки жанровой эволюции в отношении того или иного подтипа биографии (например, исследовательской биографии). Именно такие компаративные наблюдения демонстрируют следы авторского почерка как своеобразное «тавро» Акройда.

Хорошо представлены и метакомпоненты исследования – выводы по главам, обобщающие параграфы, позволяющие оценить, в том числе, связность концепции М.В. Дубковой. Результаты исследования, научные положения и выводы, изложенные в диссертации, обоснованы четким и логичным отбором изучаемого материала и его научным комментированием. Однако интересный вывод относительно собрания эссе как излюбленной формы геобиографий Акройда (158), указывающей на большее авторское присутствие в тексте, вступает в некоторое противоречие с комментированием исследовательской биографии Эзры Паунда, также опознаваемой как ‘long essay’(51).

Именно практический материал всех трех глав исследования, обращенных к обзору биографий, геобиографий и «биографии воображения», в полной мере убеждает в достоверности и обоснованности результатов работы, перспективности исследовательской стратегии М.В. Дубковой. Отметим здесь академический стиль диссертации, стремление к обобщениям с нюансировкой в отношении каждого конкретного текста.

Глава 1, «Биографии фантазеров в творчестве П. Акройда», представляет собой собрание наблюдений над разнообразными модификациями литературных биографий в творчестве писателя, согласно классификации, избранной М.В. Дубковой в качестве рабочей. Выделяются: специфический выбор Акройдом героя биографического

расследования (тип *visionary writer*); синкретизм в репрезентации героя и города, как правило, Лондона; разная степень присутствия фиктивного элемента в биографиях отличающихся по типу (от исследовательских до квазибиографий).

В отличие от работ, акцентирующих постмодернистское прочтение Акройда (например, работа В.В. Струкова), представленная диссертация не присягает на верность всем постмодернистским установкам и не распространяет их безусловно на творчество писателя, что видится нам перспективным. Такой подход позволяет М.В. Дубковой обратиться к исследованию биографии в контексте социо-культурных и исторических реалий, равно значимых для художественного мира Акройда. Тогда закономерно, что биографией Шекспира выступает сама шекспировская эпоха (78) и т.п. Однако здесь не обошлось и без некоторых смысловых подмен: неужели «Чосера сделала таким, каким мы его знаем государственная служба» (58)? Ведь она лишь дала ему возможность знакомства с Данте, Петраркой, Боккаччо, повлиявшими на поэта. Другой пример: экстенсивное обращение к социальному контексту («женскому вопросу») в книге о Коллинзе. Менее убедительны и краткие пассажи, отсылающие к психологии творчества (45), к тому же связывающие писателей-фантазеров с их социальным контекстом (46) и по этой причине выводящие Блейка (визионера и лондонца) из числа характерных героев Акройда. Видимо, по этой же причине (художник должен как-то реагировать на внешний мир) Эзра Паунд с его «организаторской стороной жизни» (52) и «получивший Нобелевскую премию», небезразличный к «механизмам создания репутации» (55) Т.С. Элиот в исследование включены.

М.В. Дубкова декларирует: «Акرويد раздвигает границы жанра, смешивая биографию и роман. Он стремится к повышению художественной ценности жанра» (92). По-видимому, здесь Акرويد выступает уже как типичный представитель постмодернистской идеи о разрушении иерархии между жанрами и с успехом ассимилирует романские формы в повествование о реальных людях, местах и событиях (вспомним цитату из интервью с писателем: «If, for example, I only wrote novels I would feel like a charlatan and a fraud... I think [writing fiction] is possibly a rather ignoble profession» (68)). Возможно, следовало бы развить мысль о саморефлексивности биографии у Акройда (заметки о «метабиографии» (42), интересные размышления в связи с саморефлексивным началом и рядом его репрезентаций в «Диккенсе» (71-73)). Говоря о «Завещании Оскара Уайльда», точнее было бы указать на пастиш, а не пародию (80), это

же касается и неточной формулировки понимания *historiographic metafiction* по Л. Хатчен (81).

Работа обращает внимание на некоторые интермедиальные включения в текст биографий – фотографии, экфрастические пассажи, что позволяет оценить репертуар поэтических средств писателя. Диссертант также дает развернутое представление о функционировании интертекста в биографиях Акройда, в особенности, там, где автор наиболее активно стилизует. М.В. Дубкова уместно полемизирует с критиками писателя, например, в качестве претензий указывающих на «недостаточное количество цитат из Шекспира» (77) в тексте шекспировской биографии. Аргументация может быть подкреплена одной из многочисленных отсылок к «Гамлету» в размышлениях Акройда о Барде: «Он мог потолстеть с возрастом». Причем хрестоматийное «He's fat, and scant of breath» здесь указывает и на Шекспира, и на самого Акройда. Тогда насколько биография «визионера» – это еще и попытка автопортрета самого писателя? Насколько ироничен замысел автора, известного своей эпистемологической неуверенностью, но назвавшего биографию Шекспира – *The Biography*?

И все же представляется свежим и взгляд на то, что не иссякающий интерес к теории биографии, заметный в исследуемых текстах, связан не с саморефлексивным началом, а с тем, что Акройд «не признает глобализацию» (93), а значит, его идентичность – это воображение всех лондонских визионеров, сплавленное воедино в его собственном. Именно поэтому Акройд мыслит себя причастным английской традиции, а его альтер-эго из «Хоксмур», Дайер, оказывается «эхом трехсот разных книг и моим собственным эхо. Он не существует как персонаж – это герой, будто сшитый из лоскутков (*patchwork figure*), такой же, как и его автор». В связи с этим, насколько формульным видится творчество Акройда последних лет? Указывает ли название серии «Краткие жизнеописания Акройда» на брендинг, или теперь Акройд создает новые биографии как компиляции отдельных фрагментов своих собственных ранних текстов?

Глава 2, «Геобиографии в творчестве П. Акройда», представляется наиболее интересной частью исследования, в которой наблюдения над текстами даны в сравнительной перспективе, что позволяет высветить смысловое ядро: геобиография это авторское повествование о «гении места» и оно устремлено «к интерпретации фактов», а не к простому их перечислению (107). Отметим, что Акройд не единственный современный романист, читающий Лондон как «мистическую книгу». Таинственную топографию Лондона мы также находим у И. Синклера и М. Муркока, однако именно в

текстах Акройда возникает специфическая понятийная и дисциплинарная полихромность и многослойность лондонского палимпсеста (119). Так и «ярко выраженный хронотоп» (100) в геобиографии оказывается более широким понятием, чем в трактовке М.М. Бахтина, ибо включает в себя элементы представлений, связываемых с областью современной культурной антропологии и мифопоэтики. В этом отношении интересна компаративная часть главы, сопоставляющая геобиографии Акройда с ранее изданной работой Хибберта, озаглавленной как биография Лондона.

Согласимся и с тем, что ряд геобиографий Акройда можно отнести к «научно-популярной» литературе (92). Вряд ли было бы преувеличением считать Лондон одним из излюбленных объектов рассмотрения историков и литераторов. Но что выделяет текст Акройда из прочих? Эффект убедительности статистических данных и подробностей социальной, культурной, политической, экономической жизни того или иного периода не является чем-то уникальным для серьезной литературы подобного рода (см. F. Sheppard (1975), G.S. Jones (1971)), как, впрочем, и обращение к сенсационным и часто непристойным сторонам социальной жизни Лондона (см. J. Walkowitz (1992), L. Nead (2000)). В этом отношении точны многообразные наблюдения М.В. Дубковой, свидетельствующие о том, что Акرويد раздвигает рамки исследований городского пространства, создавая тексты в духе не социальной, а скорее, культурной антропологии (Б. Андерсон, К. Гирц) и выступает как поборник метода *thick description*, обращенного, в том числе, и к городскому фольклору (легенды и местные байки). Так, в работе демонстрируется, как Лондон, Венеция или «символическая река» Темза становятся «событием» воображаемого пространства истории и культуры. Акرويد предпочитает не строго хронологический, а тематический принцип построения биографии места, что вызывает восхищение у любителей жанра авторского эссе, но не у педантичных поклонников последовательной исторической хроники (например, известных трудов R. Porter (1994), S. Inwood (2000), D. Kinastone (2002)). Именно поэтому глава представляется не только последовательной и доказательной в отношении главного «жанрового геобиографического» тезиса исследования, но перспективной для дальнейшего исследования. Отметим также, что сенсационный (часто криминальный) элемент «биографии» Лондона у Акройда также может быть связан со спецификой жанрового синкретизма. При этом вкус к страшному отмечается в «Альбионе» как одна из составляющих английскости (см. Гл.3).

Глава 3 обращена к книге «Альбион: истоки английского воображения» и эссеистике Акройда, тематика которых связана с историей развития воображения как

специфически английской формы осмысления и преобразования действительности, обладающей единством (императив единства героя и места) и, вместе с тем, предстающей в многообразии мифопоэтических и антропоцентрических элементов. Излюбленные темы и мотивы романов и биографий Акройда на сей раз оказываются включенными в свободные эссеистичные размышления о великих визионерах, рожденных благодаря духу английской традиции и ее создающих. Адекватно предмету исследования, подчас избегающего натужной претензии на точность, М.В. Дубкова расширительно трактует понятие традиция («традиционная культура» (90), «древняя культурная традиция» (91)), связывая ее: с материальной культурой (в диссертации много говорится о «взаимном влиянии среды и творца» (90)); с всегда существующим в тексте визионера богатым культурным интертекстом; с традицией, как ее понимал Элиот в своем знаменитом эссе, и т.д.

Диссертация имеет хорошо систематизированную научно-критическую базу, которая сама по себе ценна для исследователей творчества Акройда. Для ученых-англистов большой интерес может представлять также литературная критика, размещенная в британских газетах и журналах. Включение отсылок к критическим работам и, как правило, уместное их цитирование, также позволяет судить о репутации автора и рецепции его творчества.

Замечания к этой профессиональной работе немногочисленны и касаются частных вопросов стилистического и грамматического оформления этого качественного исследования. Возможно, следовало бы точнее выразить мысль в ряде случаев, например: «ассимиляции героя (Элиота)» (54); «успех эссе строится на взаимопонимании автора и читателя» (135), Акройд «приспосабливает (представление о литературе) к постмодернистской традиции» (137), «он создает искусство из того, что есть у него внутри» (138) и т.п.; все же «писатель-визионер» представляется лучшим переводом для *visionaries*, нежели «писатель-фантазер», к тому же определение «визионерский» появляется в работе неоднократно. Это же касается и некоторых спорных переводов и транслитераций (например, «От паззлов к портретам: проблемы литературного биографа» (*From Puzzles to Portraits: Problems of Literary Biography* (48)); «столичное убожество, пачкающее сознание Диккенса» (72); «трэвелогии» и др.; избирательность при вопросе перевода – большинство цитат дается на языке оригинала, но в ряде случаев без объяснения причин диссертант предпочитает пассаж перевести (например, 66); описки (53, 84, 88, 89, 91, 92, 114, 128 и др.) и опечатки *The Telegraph*, *The Guardian* (73-74), *historiographical metafiction* (81), неуместная капитализация (123, 140 и др.).

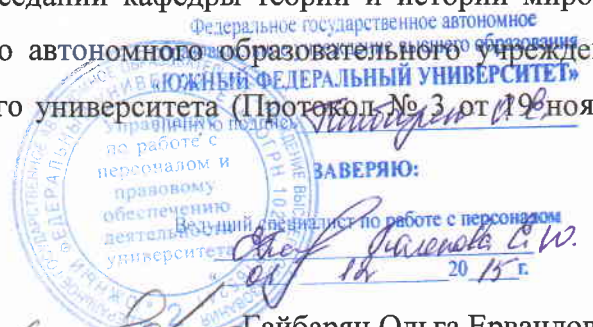
Подчеркнем, что все сформулированные нами вопросы и замечания не ставят под сомнение достигнутые результаты исследования, которые представляются значительными для отечественного литературоведения как с точки зрения исследования творчества Акройда, так и с позиций наблюдений над поэтикой жанра в отношении отдельной авторской системы. Все вышесказанное дает возможность рассматривать работу как ценный источник при разработке курсов, посвященных английской литературе XX века, а также спецкурсов по кроссжанровым и междисциплинарным формам и практикам в современной гуманитарной культуре. Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в научной печати и перечислены в автореферате (среди которых наличествует необходимое количество статей в рецензируемых журналах, входящих в список ВАК). Автореферат достаточно полно отражает суть исследования и отвечает требованиям Положения о присуждении ученых степеней.

Таким образом, диссертация Марии Владимировны Дубковой «Трансформация жанра биографии в творчестве Питера Акройда» соответствует требованиям п.9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 января 2002 г. №74 (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842) и является самостоятельной завершённой научно-квалификационной работой высокого уровня. Ее автор, безусловно, заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература).

Отзыв составлен доцентом кафедры теории и истории мировой литературы «Южный федеральный университет» доктором филологических наук (10.01.03 – литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература), доцентом Джумайло Ольгой Анатольевной (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д.150. Тел. 8 (863)2649000, e-mail: dzum2@yandex.ru).

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры теории и истории мировой литературы федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Южного федерального университета (Протокол № 3 от 19 ноября 2015 года).

Заведующая кафедрой
теории и истории мировой литературы
«Южный федеральный университет»
кандидат филологических наук, доцент

Гайбарян Ольга Ервандовна

«01» декабря 2015 г.

Внешняя организация, составитель отзыва

Джумайло Ольга Анатольевна

Доктор филологических наук (10.01.03),

Доцент кафедры теории и истории мировой литературы

ЮФУ

Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д.150.

Тел.: 8 (863)2649000,

e-mail : dzum2@yandex.ru.

Публикации:

Джумайло, О. А. *Mise-en-abyme*: автопортрет Рембрандта в исповедальном романе Джона Фаулза «Дэниел Мартин» (1977) // Известия ЮФУ. Филологические науки. – 2013. – № 1. – С. 8-16.

Джумайло, О. А. Простое сердце: Джулиан Барнс // Вопросы литературы. – 2011. – № 2. – С. 273-292.

Джумайло, О. А. Нарцисс в поисках жанра: исповедальный роман Мартина Эмиса «Беременная вдова» // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2012. – № 1. – С. 269-273.

Джумайло, О. А. Город как палимпсест в романе Питера Акройда «Хоксмур» (1985) // *Symbolika Form Artystycznych w Europejskiej tradycji kulturowej: zdodla, funkcje, aktualizacja i redukcja*. Siedlce. 2012. P. 87-93.